

Слово редактора

ПАСТЫРСКАЯ ВЛАСТЬ: КОНЦЕПТ МИШЕЛЯ ФУКО

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Х.М. Амро Аззам

Южный федеральный университет

Аннотация: Политическая концептология базируется на идеях дистанции и интеграции социо-политического знания. Дистанция предполагает предельное удаление аналитика от политической конъюнктуры и всего корпуса социально-политических знаний данного места и времени, поскольку в них воплощены различные варианты традиционализма, этатизма и идеократии. Интеграция означает отбор и соединение в одно целое таких элементов из корпуса социально-политических знаний, которые позволяют реализовать в теории и на практике концепт когнитивного сопротивления¹. Обе идеи стимулируют анализ творчества М. Фуко (наряду с наследством И. Канта, К. Маркса, Х. Арндт, А. Хиримана, М.К. Петрова) как один из краеугольных камней политической концептологии. При этом проблема осмысления государственных интересов в контексте бюрократического господства и использования для достижения этой цели идей Фуко является главной².

В данной статье предлагается систематизация основных содержательных блоков гипотезы Фуко о том, что истоки идеи об управлении людьми восходят к пастырской власти Востока, а не Запада. Надо показать, что эта гипотеза имеет источниковедческий, фуковедческий и политико-философский смысл для постановки проблемы ее применения к анализу современных форм пастырской власти.

Ключевые слова: М. Фуко, пастырская власть, бюрократическое господство, управление, концепт дисциплинарности.

Очерк содержания

Концепт пастырской власти формулируется Фуко на фоне общей проблемы становления современного государства, которую он называет историей *управленчества*. В ее рамках Фуко фиксирует три вектора *оправительствования государства*: архаической модели христианского пастырства; режима военно-дипломатических отношений; внутренней полиции государства [Фуко 2011: 172–256, особенно с. 180]. Какая власть выражается понятием

¹ См.: Макаренко 2006; Макаренко 2012.

² См.: Макаренко 2000; Макаренко 2015а; Макаренко 2015б.

управленчества и позволяет выйти за пределы государства? — так звучит вопрос, интегрирующий данные векторы.

При ответе Фуко опирается на идею *тройного сдвига*, которая воплощена в его концепте дисциплинарности. Этот концепт позволяет выйти за пределы института, функции, объекта и анализировать поля технологий власти, стратегий и тактик, истины. Надинституциональная, внефункциональная, внеобъектная общность позволяет рассматривать институт государства как высшее звено технологий, стратегий и тактик, истины. В курсе лекций 1977–1978 учебного года Фуко обосновал идею: по отношению к государству *управленчество* аналогично сегрегации для психиатрии, дисциплине для уголовной системы, биополитике для медицинских институтов. Иначе говоря, замысел Фуко состоит в изучении *управленчества* как синтеза безумия, уголовного преступления и борьбы с различными формами массовых эпидемий.

Для доказательства обоснованности такой посылки Фуко анализирует историю слова *управление* в период XIII–XV вв., когда оно ещё не имело государственного (политического) смысла. Слово *управлять* в словарях французского языка того времени охватывало широкое семантическое поле (перемещение в пространстве, движение, материальный достаток, пропитание, забота о человеке, спасение, руководство, дача предписаний, господство над собой — телом, душой, поступками и др.). На основе элементарного историко-филологического анализа Фуко формулирует исходную посылку своего исследования: управлять можно людьми, но не государством, территорией, политической структурой.

На основе этой посылки он выдвигает гипотезу: истоки идеи об управлении людьми восходят к пастырской власти Востока, а не Запада. На Востоке (в Египте, Ассирии, Месопотамии, Израиле) сложилось представление о том, что правитель — это пастух людей, а люди подобны стаду. Метафора пастуха обозначала тип отношений между властителем и богом: Бог и царь — пастухи людского стада; царь — младший пастух, которому Бог доверил стадо людей. Царь должен на закате каждого дня и всего царствования возвращать Богу порученное ему стадо. Пастырство — это фундаментальный тип отношений между Богом и людьми, в котором царь является одним из участников.

Особенно активно развивали тему пастырства древние евреи. У них отношение «пастух — стадо» носит религиозный характер, фиксируя отношение Бога к людям. Это власть религиозного типа, принципом, основанием и эталоном которой является власть Бога над своим народом.

Пастырская власть Востока отличается тремя свойствами: 1. Относится не к территории, а к стаду в его движении из одной точки в другую. 2. Является благодетельной от начала до конца потому, что сохраняет жизнь — кормит и спасает стадо, воплощает *самоотверженное посредничество*, а не силу и превосходство. В этом смысле она совпадает с традиционным определением цели монарха: спасение родины есть высший закон власти. 3. Является индивидуализирующей в том смысле, что пастырь хорошо управляет стадом лишь тогда, когда ни одна овца не ускользает от его взора. Такова суть морального и религиозного парадокса пастуха: жертва одним ради всех и жертва всеми ради одного. Данный парадокс пронизывает всю историю христианского пастырства и связывает события двухтысячелетней давности с современностью.

На основе анализа классической литературы (Библии, сочинений Гомера, текстов Платона) Фуко формулирует главную посылку изучения данного парадокса: хотя идея пастырской власти отсутствовала в греческой и римской мысли, она вошла в западный мир через христианскую церковь. Церковь внедрила пастырскую власть в механизмы и институты Римской империи. На этой основе парадокс пастуха преобразовался в универсально-историческую константу власти: цивилизация христианского Запада была самой изобретательной, по-

бедоносной, честолюбивой и одной из самых кровавых цивилизаций, которые ассоциируются с величайшими жестокостями. В то же время западный человек тысячелетиями учился относиться к себе как к одной из множества овец, искать спасения у пастыря, который жертвует собой ради него. Наиболее характерная для Запада форма власти родилась из политики, понимаемой как пастушеский долг.

У греков нет идеи, что боги ведут людей, подобно тому как пастух ведёт своё стадо, но само отношение «пастух — стадо» присутствует в литературе. Фуко анализирует три трактовки этой темы: классические гомеровские и пифагорейские тексты, а затем их основные современные интерпретации. Первая из указанных интерпретаций сводится к утверждениям: метафора пастуха встречается в греческих текстах, в которых имело место восточное (иудейское) влияние; тексты, в которых пастух представлен как образец хорошего правителя, отсылают к восточной идеологии — пифагорейскому представлению о политике. Противоположное толкование той же проблемы гласит: тема пастуха как образца политического деятеля есть общее место, штамп мысли и словаря политической риторики классической Греции, а не достояние пифагорейцев; она не свидетельствует о восточном влиянии.

Для выбора одной из версий Фуко подвергает анализу сочинения Платона. В «Критии» и «Государстве» образ пастуха как идеального государственного мужа используется для обозначения особой, безраздельной и полюбившей власти богов над людьми в золотом веке. В «Законах» с пастухом сравнивается государственный муж нынешних времен, когда эпоха благоденствия ушла в прошлое. Но правитель-пастух не рассматривается как основатель города и учредитель законов. Он занимает промежуточное положение между сторожевым псом (полицейским) и властителем (законодателем) города. Образ пастуха выражает не суть, а вспомогательную функцию власти в городе-государстве. В I книге «Государства» в диалоге между Фрасимахом и Сократом первый высказывает тезис: сравнение с пастухом не подходит для описания добродетели государственного мужа. Сократ отвечает: пастух и эгоист — несовместимые понятия. Настоящий пастух — это тот, кто целиком отдаёт себя стаду, не думая о себе.

Фуко ставит вопрос: можно ли представлять правителя по образцу отношения «пастух — стадо»? Может ли политика соответствовать этому отношению? В процессе ответа Фуко прослеживает ход мысли Платона в диалоге «Политик». Платон развенчивает метафору пастуха при ответе на вопрос: что представляет собой конкретный политик и политик вообще? Политика можно определить через особое знание (искусство) приказывать, повелевать. Но повелевает только царь, приказывать могут многие. Нужно из них выбрать того, кто поистине является политиком, и понять, какое искусство соответствует функции правителя. По Платону, существует два способа приказывать: отдавать собственные приказы; передавать приказы, отданные другим. Собственные приказы отдаёт лишь политик, который обращается к существам, живущим стадом. Им можно приказывать двумя способами: отдельным особям (коню или паре волов); целому стаду. Отдавать приказы стаду живых существ — значит быть их пастухом. Отсюда вытекает расхожее определение: политик — это пастырь стада живых существ, в состав которого входит население города. Это определение Платон опровергает в четыре этапа.

Первый этап связан с анализом объектов (животных и людей), второй — с анализом субъектов пастушеской власти. В процессе перебора объектов власти пастуха возникает уход в бесконечную типологию животных. При анализе бытия и функций субъекта пастушеской власти множатся функции, не относящиеся к политике. Так рушится мнение: правитель — это пастух.

Третий этап связан с анализом сути политика, воплощенной в мифической посылке: мир вращается вокруг оси, сначала в направлении счастья, затем в направлении трудных вре-

мен. Политика началась, когда мир обратился вспять, бог удалился, наступили трудные времена. Людям приходится самим управлять друг другом, теперь им нужна политика и политики. Платон считал, что политики не возвышаются над стадом так, как боги над человечеством. Политики — часть человечества, и потому их нельзя трактовать как пастухов.

Для определения функции политика и искусства приказывать другим Платон предлагает модель ткачества вместо модели пастуха. Образ ткача даёт аналитическую схему действий по управлению людьми. Она позволяет вынести за скобки всё, что составляет смежные с политикой искусства, не являющиеся политикой³. Сущность политики состоит в том, чтобы соединять, подобно тому как ткач сплетает уток и основу. Политик соединяет между собой отдельные элементы: зачатки благодетельности, подготовленные воспитанием; различные виды добродетелей, связывает друг с другом противоположные темпераменты и помогает ему в этом «челнок» общественного мнения людей. Таким образом, царским оказывается не искусство пастуха, а искусство ткача, суть которого в том, чтобы «объединять жизнь [...] людей единомыслием и дружбой» [Там же: 206]. Именно этот путь ведёт к благоденствию государства.

Итак, в диалоге «Политик» содержится опровержение идеи пастушества. Поэтому Фуко заключает: греческая мысль непричастна к разработке темы пастушества. Позитивный анализ власти, выстроенной по модели отношения «пастух — стадо», следует искать не в области высокой политической мысли и принципов организации города-государства, а среди особых форм социальности: философских и религиозных общин (типа пифагорейцев), педагогических групп, гимнастических школ и т. д. Они привели к распространению по всему эллинистическому миру пастырства, заимствованного с Востока.

Пастырство начинается с уникального в истории, не известного ни в одной другой цивилизации процесса, в котором религиозная община приняла форму Церкви. Этот институт стремился управлять каждодневным существованием людей под предлогом того, что он ведёт их к вечной жизни в мире ином. При этом управление охватывало все человечество, а не группу, город и даже государство. Пастырская власть сопровождает нас по сей день.

Но на протяжении всей истории христианской церкви значение, сила, проникновение пастырской власти в жизнь церкви соразмерны силе и множеству дебатов, возмущений, мятежей, вспышек недовольства, распрей, конфликтов, кровавых войн, которые шли вокруг, за или против неё с XIII по XVIII в. Иначе говоря, анализ всей истории церкви как воплощения конфликта, а не гармонии, связывает историю с современностью. Реформация была не столько конфликтом доктрин, сколько конфликтом по поводу способа отправления пастырской власти. Но в результате Реформации пастырская власть усилилась в процессе раздела на мелочное протестантское пастырство, и ужесточённое пастырство Контрреформации, выстроенное в иерархию внутри католической церкви, которая подверглась жёсткой централизации. Конфликты вокруг пастырства, права быть ведомым и права знать, кто и как тебя должен вести, были связаны с реорганизацией пастырской власти. Именно здесь Фуко формулирует принципиально важное теоретическое и практическое положение: «Если политической власти феодального типа оказались суждены революции, если она столкнулась с рядом процессов, которые постепенно уничтожили её, почти без следа изгнали из истории Запада, если, проще говоря, произошли антифеодальные революции, то антипастырских революций

---

³ Политическое искусство, подобно искусству ткача, не является чем-то, относящимся ко всему вообще, в отличие от пастуха, который призван заниматься всем стадом. Политика, подобно ткачеству, возможна лишь при условии ряда подготовительных действий. Чтобы ткач приступил к работе, нужно сначала начесать шерсти и сплести из неё нить, чем занимается чесальщик. Работа государственного мужа тоже требует ряда вспомогательных искусств. Вести военные действия, вершить суд, договариваться с собраниями, используя ораторское искусство, — все это не является политикой, а условием её осуществления.

никогда не было. Пастырство ещё не извело глубокого революционного процесса, который угрожал бы окончательно оставить его в прошлом» [Там же: 210].

Стало быть, Фуко формулирует проблему причин отсутствия до сих пор антипастырских революций. Он предлагает путь концептуальной систематизации данной проблемы: поскольку историей пастырства ещё никто толком не занимался, постольку надо изучать историю становления, развития, приложения, совершенствования пастырских техник, типов анализа и знания, связанных с функционированием пастырства.

Исходные идеи такой истории содержатся в концепции пастырства Фуко. С первых веков христианства пастырство вышло за пределы законов и институтов, претендуя на статус теоретической рефлексии, достойной философии. Задолго до XVII–XVIII в. место философии как высшего искусства заняла на христианском Западе не другая философия и не теология, а пастырство — искусство обучать одних людей управлению другими, а этих других — обучать управляемости. Игра каждодневного и пастырского подвергалась осмыслению на протяжении 15-ти веков как верховная наука, искусство, знание.

Особенности высшего искусства управлять людьми таковы: у евреев, египтян и ассирийцев пастушеская модель была более связана с религиозной жизнью и историческим представлением еврейского народа о самом себе. Бог был пастырем, а скитания народа-стада — поисками пажити. Еврейского царя никогда не титуловали пастухом в похвальном, положительном, прямом смысле слова. Не было пастуха, кроме Бога.

В христианской церкви модель пастырства становится главным отношением, обнимающим все остальные, институтом со своими законами, нормами, техниками и процедурами. Пастырство приобретает самостоятельный, всеобъемлющий и самобытный характер. Все отношения власти в Церкви основываются отныне на привилегиях, но в то же время на задачах пастуха по отношению к стаду. Пастырем является Христос, который пожертвовал собой не только ради всего стада, но и каждой овцы, чтобы вернуть к Богу потерянное стадо.

В Средние века в христианстве было введено территориальное деление на приходы. Сразу возник вопрос: можно ли священников считать пастырями? Этот вопрос обусловил серию смут и споров, завершившихся Реформацией.

Вся церковная организация преподносит себя как власть пастуха по отношению к стаду. Религиозная власть — это власть пастырская: крещение состоит в сборе овец в стадо, причастие — в раздаче духовной пищи, покаяние — в возвращении в стадо заблудших овец, наказание — в исключении из стада овцы, которая может заразить остальных болезнью (возмутительным поведением).

Одной из её главных особенностей является то, что пастырская власть отличается от политической власти на всем протяжении истории христианства. Парадокс пастырской власти в том, что она занимается душами лишь постольку, поскольку духовное руководство подразумевает постоянное вмешательство в ежедневную жизнь, хозяйство, материальные дела, сферу имущества и богатства. Она касается не только индивидов, но и групп. Это власть вполне земная, хотя устремлена к потусторонней цели. Однако в Западной церкви (Восточную Фуко не рассматривает) она всегда остаётся властью, отличной от власти политической. При этом **противопоставление пастыря чиновнику** проходит как принцип через всю историю христианства. С двумя оговорками: 1. Хотя переплетение пастырской и политической властей станет исторической реальностью Запада, пастырская власть в её форме, характере функционирования, внутренней технологии остаётся самобытной и отличной от политической власти вплоть до настоящего времени. 2. В православии произошло смешение

и утрата самобытности каждой из этих властей. Разделение Христова пастырства и имперского владычества — одна из характерных особенностей Запада⁴.

От восточного пастырства христианское пастырство отличается рядом свойств: 1. Оно обогатило, трансформировало, усложнило пастырскую модель. 2. Оно сформировало новую и мощную институциональную сеть, соразмерную всей Церкви, христианскому миру и сообществу. 3. Оно породило искусство наставления людей на путь истинный, ответа за людей на коллективном и индивидуальном уровне в течение всей их жизни и при каждом их шаге.

Это уникальное явление в истории обществ и цивилизаций. Пастырство не совпадает с политикой, педагогикой, риторикой. Пастырскую власть нельзя сравнивать с подчинением людей закону или суверену, с методами воспитания детей и молодёжи, со способами воодушевления и убеждения людей в чём бы то ни было против их воли. Это искусство управлять людьми образует исток формирования *управленчества*, появление которого в XVI–XVIII вв. обозначило выход на историческую арену современного государства. Современное государство родилось, когда *управленчество* стало обдуманной политической практикой. Христианское пастырство — предыстория этого процесса.

На основе анализа восточных и западных текстов патристики III–IV вв. Фуко прослеживает процесс расхождения христианского пастырства с политической властью вопреки их переплетению. В абстрактном определении пастырство относится к трём вещам: его главная цель — вести людей и сообщества к спасению; закону, так как оно должно следить за деятельным послушанием людей и общин завету Бога; истине, поскольку в христианстве условием приближения к спасению и следования закону является исповедание истины.

Но на уровнях отношения к спасению, закону и истине христианское пастырство не оригинально. Любая власть направляет, советует, приказывает, поучает, спасает, воспитывает, устанавливает общую цель, формулирует общий закон, внушает, предлагает или навязывает людям истинные или благие воззрения. Самобытность христианского пастырства определяется на другом уровне.

Для еврейской модели стада и греческой модели города характерно, что между народом и его вождем или наставником существует общность судьбы (взаимная ответственность общины и ее вождя), которая оправдывается моральной взаимовыручкой вождя и стада.

В христианском пастырстве отношения пастуха и стада обретают ряд особенностей: 1. Это всецело распределительные отношения, потому что пастырь должен вести к спасению всех и каждого. Такова парадоксальная сторона христианского пастырства: необходимость

---

⁴ Для доказательства Фуко ссылается на книгу А. Безансона «Убиенный царевич», в которой описаны религиозные особенности русской монархии и показано, что христианские, церковные элементы присутствовали в переживании, восприятии, ощущении политической власти в древнерусском обществе и в обществе Нового времени. В заключение приводит письмо Гоголя Жуковскому 1846 г. Для определения царя Гоголь рисует будущее Российской Империи, когда она достигнет совершенства и взаимной привязанности властителя и подданных, как требует политическое отношение суверенитета. «Вот что Гоголь говорит об этой пришедшей к примирению империи: «Загорится человек любовью ко всему человечеству, такую, какой никогда ещё не загорался. Из нас, людей частных, возыметь такую любовь во всей силе никто не возможет; она достанется в идеях и в мыслях, а не в деле; могут проникнуться ей вполне одни только те, которым уже постановлено в непреломный закон полюбить всех, как одного человека. Всё полюбивши в своём государстве, до единого человека всякого сословия и звания, и обративши всё, что ни есть в нём, как бы в собственное тело свое, возболев духом о всех, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущем народе своем, государь приобретает тот всемогущий голос любви, который один только может быть доступен разболевшемуся человечеству, и которого прикосновенье будет не жёстко его ранам, который один может внести примирение во все сословия и обратиться в стройный оркестр государство. Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение свое — быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь». По мнению Фуко, рассуждения Гоголя есть великолепная греза государя-христианина. Но такой государь-христианин не характерен для Запада. Западный государь — это кесарь, а не Христос. А западный пастырь — Христос, а не кесарь [Фуко 2011: 216–217].

спасти всех предполагает готовность принести в жертву овцу, опасную для всего стада. 2. Но о спасении отдельной овцы пастырь должен заботиться так же, как о спасении всего стада. «Возвращение в стадо заблудших и отчаявшихся» — такова основополагающая с первых веков христианства теоретическая и практическая проблема. В этом заключался парадокс пастуха, перешедший из Библии и еврейской литературы.

Но к принципу всецелой и парадоксальной распределительности христианство добавило четыре самобытных и прежде неизвестных принципа: аналитической ответственности; полного и моментального переноса; обращения жертвы; взаимного соответствия⁵. Вместо общности судьбы и в целях спасения христианский пастырь действует в рамках феномена, который Фуко называет тщательно разработанной экономией праведных и неправедных деяний, о соотношении которых решает Бог.

Пастырь не является представителем закона. Греческий гражданин позволял управлять собой только закону и убеждению, предписаниям города и риторике ораторов. У греков нет общей категории послушания, а есть две области: уважения законов, решений собраний, вердиктов судов; зона хитрости — совокупность приёмов, с помощью которых люди позволяют другим людям увлечь, убедить и обольстить себя.

Христианское пастырство вводит совершенно чуждую греческой практике инстанцию чистого послушания как единый тип поведения, наделённый ценностью и являющийся самоцелью. Христианство не является религией закона; это религия воли Божьей, которая у каждого человека своя. Отсюда следует, что пастырь не может быть ни вершителем, ни представителем закона; его действия всегда рискованны и индивидуальны. Это очевидно в связи с богоотступниками. Но к ним нельзя относиться одинаково, прилагать ко всем общую мерку и осуждать по образцу гражданского суда. Каждый случай отступничества надо рассматривать особо. Пастырь — не судья, а врач, занимающийся каждой душой и её болезнями. Обязанностью пастыря может быть внушение закона, промыслов Божьих, относящихся ко всем людям, и он должен внушать постановления Церкви или общины, обращённые ко всем её членам. Сам образ действия христианского пастыря индивидуален. В отличие от греческого вершителя закона в христианском пастырстве возникает отношение полной зависимости между овцой и её наставником.

Подчинение одного индивида другому, а не подчинение закону, порядку, разумному предписанию, принципам и выводам. Строго индивидуальное отношение, прикрепление

⁵ Эти принципы означают соответственно: 1. Пастырь должен будет вечером каждого дня и в конце мира отчитаться за всех овец. Подсчёт и индивидуальный осмотр позволит выяснить, действительно ли он уделял внимание каждой овце, а каждая пропавшая овца будет зачтена ему в минус. Он должен будет отчитаться за все хорошие и плохие поступки, случаи и дела каждой овцы. Пастырь отвечает за всех и каждого, его ответственность определяется количественно-индивидуальным и качественно-фактическим распределением. 2. В судный день пастырь должен будет отчитаться за все поступки всех овец. Любое праведное и неправедное их деяние и поступок любой овцы он должен рассматривать и переживать как собственное благо и зло. 3. В земном времени пастырь должен быть готов на физическую смерть, если его овцы в опасности, он обязан защищать их от земных врагов, а также жертвовать своей душой ради других душ (взять на себя все искушения и грехи всех овец и всю расплату за них, если посредством такого переноса овца будет освобождена от искушения и от угрозы погибнуть духовной смертью. Лишь согласившись на смерть ради других, пастырь может быть спасён. 4. Праведность пастуха зависит от непокорности овец, их подверженности угрозам и готовности предаться пороку. Его заслуга состоит в предотвращении этих угроз, возвращении заблудших овец, борьба со своим стадом. И наоборот: несовершенства пастуха могут послужить спасению стада, подобно тому как несовершенства стада служат спасению пастуха. Пастырь должен быть по возможности совершенным. Подаваемый им пример незаменим для добродетельности, праведности и спасения стада. Поэтому хорошо, если пастырь имеет и знает свои недостатки и не лицемерит, скрывая их от прихожан, откровенно раскаивается в них, принижая себя в глазах верующих, что для них поучительно, тогда как при сокрытии своих слабостей он может вызвать их возмущение. Слабости прихожан составляют заслугу пастыря и помогают ему спастись. Его собственные несовершенства и преступления образуют часть воспитания паствы и процесса, посредством которого он ведёт её к спасению.

управляющего индивида к индивиду управляемому образует не условие, а принцип христианского послушания. Христианин вручает себя пастырю не только душой, но и всем, что касается его материальной каждодневной жизни. Это относится к мирянам и монахам. Основной принцип таков: для христианина послушание означает не подчинение закону, принципу или рациональному предписанию, но всецелую преданность кому-то. Существовали процедуры испытаний послушания, беспрекословности и незамедлительности, включая испытание абсурдом⁶. Хорошее послушание требует подчиниться приказу не потому, что он разумен или по причине важности дела, а именно потому что приказ бессмыслен. Широко известно испытание беззаконием, когда подчиняться нужно, несмотря на то, что приказ противоречит всем законам⁷. Христианское послушание есть отношение абсолютного рабства.

В греческом послушании имели место объект — здоровье, умение, истина — и цель в том смысле, что наступал момент, когда отношение послушания прекращалось или переворачивалось⁸. В христианском послушании цели нет. Слушаются, чтобы достичь состояния послушания. Это понятие совершенно ново и самобытно, до христианства оно нигде не встречается. Пределом практики послушания является смирение. Смиряться — это значит не просто соглашаться, чтобы кто угодно приказывал тебе, и слушаться его приказов, но, по существу и прежде всего, знать, что любое собственное желание есть дурное желание. Таким образом, цель послушания — умертвить волю, сделать так, чтобы твоя собственная воля умерла и наступило отсутствие воли.

Фуко считает, что этот пункт крайне важен для христианской морали в рамках истории идей, для институционализации христианского пастырства и круга проблем, связанных с христианским понятием «плоти». В теории и практике христианского послушания пастырь (аббат или епископ) должен приказывать не ради приказа, но исключительно потому, что ему дан приказ приказывать. Испытанием пастыря должен быть отказ от пастырского служения, которое он на себя возложил. Он отказывается, потому что не хочет приказывать, но поскольку его отказ явился бы утверждением личной воли, он должен отказаться от своего отказа, послушаться и приказывать. Пастырские отношения действуют в поле послушания. Но это поле в каждом своём проявлении сильно индивидуализированно, всегда моментально, ограничено и характеризующееся тем, что даже точки господства являются в нём следствиями послушания.

Также нужно отметить организацию пары «рабство — служение». Подопечный должен воспринимать своё отношение к пастырю как отношение абсолютного рабства. Но и пастырь должен воспринимать своё пастырское бремя как состояние на службе своих овец.

Проблема истины — третий аспект полной зависимости овцы от пастыря. Пастырское отношение к истине сходно с греческим преподаванием. Главная задача пастыря — быть

⁶ Испытание беспрекословности заключалось в следующем: едва монаху давалось распоряжение, он должен был сразу прервать текущее занятие и выполнять приказ, не задумываясь о том, почему ему его дали и не лучше ли было бы продолжить дело, начатое до этого. В качестве примера хорошего послушания Кассиан приводит послушника, который занимался перепиской Священного Писания, однако прервал свой труд, причём не в конце абзаца, предложения, слова, даже не в середине слова, а в процессе начертания буквы — оставил букву недописанной и подчинился бессмысленному распоряжению. Другая история рассказывает о монахе Иоанне, которому поручили поливать палку, воткнутую в песок вдали от его кельи, и дважды в день он отправлялся выполнять это важное задание. Палка в результате этих усилий не зацвела, но зато получила подтверждение святости Иоанна. Затем идет испытание наставником: чем более тот сварлив, чем меньше благодарит и хвалит послушника, чем меньше им доволен, тем выше оценивается послушание.

⁷ Некий Луций после смерти жены вместе с сыном двенадцати лет вступил в монастырь, потеряв жену. Нювчка подвергли множеству испытаний, в последнем из которых Луцию поручили утопить сына в реке. Поскольку это был приказ, Луций так и сделал.

⁸ Учителю философии в Греции подчинялись для того, чтобы однажды стать учителем самому себе, то есть перевернуть отношение послушания и стать своим собственным учителем и господином.

учителем для членов своей общины. Но эта задача не сводится к тому, чтобы давать людям уроки. Пастырь должен учить примером собственной жизни. Если жизнь пастыря не преподаёт верующим хороший урок, то это лишает его теоретические, словесные поучения всякого смысла. Кроме того, поучения пастыря не должны быть общими для всех⁹. Все это близко к традиционной концепции преподавания. Но и здесь христианское пастырство вводит два фундаментальных новшества.

Всеобъемлющее поучение подразумевает неусыпную слежку пастыря за жизнью подопечных. Поучение должно сопровождаться постоянным пристальным надзором за всем поведением подопечных. Совершенная, праведная, достойная ежедневная жизнь верующего должна быть не просто результатом общего поучения или примера, подаваемого пастырем. Она должна стать в полном смысле слова обязанностью пастыря и предметом его наблюдения, он должен формировать постоянно пополняющееся знание о каждодневной жизни своих прихожан, знание об их образе существования и поведения.

Руководство совестью. Духовничество существовало и в античности, но было добровольным, платным, эпизодическим, утешительным, иногда подразумевало исповедь самому себе самому в конце каждого дня ради обретения господства над собой.

В христианской практике возникает совершенно другое духовничество — строго обязательное (в монастырях), бесплатное и постоянное на протяжении всей жизни. Функция исповеди тоже меняется на противоположную — из условия господства над собой она превратилась в условие зависимости. Посредством исповеди верующий отныне формирует дискурс истины о себе, не упускающий ни единого мгновения. Он создаёт о себе истину, которая связывает его с духовником. В христианском пастырстве отношение к истине совершенно иное, нежели в греко-римской Античности и в еврейской модели пастырства.

Таким образом, отношение христианского пастырства к спасению, закону и истине не являются его фундаментальной особенностью. Принципиальные выводы Фуко таковы:

Христианское пастырство есть самобытная форма власти, которая вводит внутрь процесса спасения сложную экономию, технику циркуляции, переноса, обращения праведных и неправедных деяний. Оно становится не просто орудием внушения или генерализации закона, но вводит практику индивидуального, безоговорочного, полного и постоянного послушания. Абсолютным новшеством христианства является введение структуры, технологии власти, дознания, опроса себя и других, посредством которой тайная, сокровенная, скрытая истина души становится проводником власти пастыря и послушания ему. Эта скрытая истина обеспечивает отношение полного послушания, и именно в её среде будет действовать экономия праведных и неправедных деяний. Не спасение, закон или истина, а экономия праведных и неправедных деяний, абсолютное послушание, производство скрытых истин определяют оригинальность и самобытность христианства.

Позиция Фуко в целом сводится к обоснованию положений:

1. По мере формирования христианского пастырства рождается новая форма власти.
2. Она связана с особыми формами индивидуализации, которые позволяют судить о спасении, законе и истине. Индивидуализация определяется не статусом, происхождением и блестящими деяниями индивида (как было в восточном и греческом пастырстве), а тремя процессами: *динамикой разделения* в любое мгновение баланса праведных и неправедных деяний (аналитической идентификации); не обозначением или маркированием места индивида в иерархии и не утверждением господства над собой, но *сетью служений*, которая подразу-

⁹ Святой Григорий Великий сравнивает пастырей, хорошо объясняющих вероучение, но подающих плохой пример, с пастухами, которые пьют чистую воду, но загрязняют пруд, откуда пьют их овцы, немывыми ногами. А в «Правиле пастырском» приводит тридцать шесть различных способов поучения для женатых и холостых, богатых и бедных, больных и здоровых, жизнерадостных и угрюмых.

мекает общее служение всех всем и в то же время исключение эгоизма как центральной формы индивида. Индивидуализация происходит через подчинение; *отношением к внутренней истине* (тайной и скрытой), а не к признанной истине.

Аналитическая идентификация, подчинение и субъективация — таковы процедуры индивидуализации, вводимые христианским пастырством и его институтами. Поэтому история пастырства является подоплекой всей истории процедур индивидуализации человека и истории субъекта на Западе.

Пастырство — это двоякое предвестие *управленчества*: 1. В виде процедур, в которых выражено нежелание прямо соблюдать принципы спасения, закона, истины, и установление под их покровом совершенно других отношений. 2. В виде субъекта, который занимает подчинённое положение в сетях послушания и субъективируется путём извлечения истины. Эта типичная для Запада Нового времени форма конституции субъекта делает пастырство одним из ключевых моментов истории власти в западных обществах [Там же: 248–249].

Перспективы дискуссии

В модели пастырской власти Фуко можно вычлениить источниковедческий, фуковедческий и политико-философский смысл.

Источниковедческий смысл определяется необходимостью проверки данной модели на основе конкретного знания всех источников и других материалов, которые использует Фуко для обоснования собственной интерпретации феномена пастырской власти. Выполнить эту задачу мы не в состоянии по причине недостаточного знания упомянутых Фуко источников и других материалов, на которых базируется его концепт пастырской власти.

Фуковедческий смысл определяется необходимостью размещения концепта пастырской власти в динамике главных этапов творчества Фуко [Автономова 2010: 279]. Этот концепт относится ко второму этапу его творчества, в рамках которого изучалась проблема генеалогии «власти-знания». В нашей статье описан лишь фрагмент указанной генеалогии. Но сама проблема связывает фуковедческий аспект с политико-философским.

В частности, издатели лекционного курса Фуко, в которой описана пастырская власть как элемент истории управленчества, помещают данный курс в биографический, идеологический и политический контекст 1970-х гг. Такой подход позволяет систематизировать фуковедческие проблемы, среди которых отметим лишь одну: «Между политическим отказом от терроризма и ... хвалой восстаную от имени «антистратегической морали» и разворачивается проблематика «управленчества» [Сенелар 2011: 492]. Анализ типов управленчества у Фуко неразрывно связан с анализом традиционных и новых модальностей сопротивления власти: «Политика есть то и только то, что рождается с началом сопротивления управленчеству, первое восстание, первое столкновение» [Там же: 508]. В этом смысле все формы сопротивления пастырской власти приобретают теоретическую и политическую легитимацию. В том числе противопоставление пастыря и чиновника. Может ли оно рассматриваться как надежная теоретическая матрица при анализе традиционных и современных форм бюрократического господства?

Авторы публикации лекционного курса Фуко 1977–1978 гг. дали свою классификацию основных тем данного курса. В принципе соглашаясь с ней, мы предлагаем классифицировать тематику лекций от 8, 15 и 22 февраля 1978 г. по следующим рубрикам: общая проблема становления современного государства; основания и следствия идеи тройного сдвига; догосударственный смысл слова *управление*; основания и следствия гипотезы о генезисе идеи управления людьми в пастырской власти Востока; описание главных свойств восточной власти; формулировка парадокса европейской власти; греческое опровержение идеи пастуше-

ства; христианство как начало истории пастырства и проблема антипастырской революции; главные идеи истории пастырства; самобытность христианского пастырства; формулировка вывода о пастырстве как ключевом элементе современного *управленчества*.

Все указанные проблемы дробятся на множество частных и особенных подпроблем. По каждой из них существуют целые библиотеки литературы. По каждой из данных подпроблем надо занимать и отстаивать определенную позицию. На наш взгляд, формулировка такой позиции зависит от освоения всего круга исследовательской литературы по каждой проблеме и подпроблеме. Но поскольку вся дискуссия происходит в контексте общей проблемы «вера-знание», постольку надо учитывать ее основные модификации. В этом смысле концепция Фуко может рассматриваться как повестка дня всеобщей дискуссии представителей разных конфессий и школ политической философии.

Необходимость перехода от профессиональной к публичной дискуссии обусловлена спецификой интеллектуализма Фуко: «Искусство Мишеля Фуко состояло в том, чтобы поверять современность историей. Он мог говорить о Ницше или об Аристотеле, о психиатрической экспертизе XIX в. или о христианском пастырстве, и слушатель всегда мог извлечь из этого что-то о настоящем или о современных ему событиях» [Эвальд, Фонтана 2011: 9]. Иначе говоря, модификация всего круга перечисленных проблем в конкретных пространственно-временных обстоятельствах и социально-политическая позиция участников дискуссии становится не менее важной предпосылкой анализа интеллектуального искусства Фуко.

По этому поводу сделаем лишь одно замечание: во всем ссылочном аппарате лекций Фуко по проблеме пастырской власти Востока и Запада нет ни одной ссылки на Талмуд и Коран — священные книги иудаизма и мусульманства. Оценивать ли этот факт как главный недостаток концепции Фуко или как стимул для прочтения Талмуда и Корана под углом зрения данной концепции?

Автономова Н.С. 2010. Фуко. — *Новая философская энциклопедия. Т. 4* / Ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. — М.: Мысль. — С. 278–280.

Макаренко В.П. 2000. *Проблема общего зла: расплата за непоследовательность*. — М.: Вузовская книга.

Макаренко В.П. 2006. Государство и политический реализм: пути когнитивного сопротивления. — *Космополис. Журнал мировой политики*. — № 1(15). Весна.

Макаренко В.П. 2012. Проблема когнитивного сопротивления. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 2. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/05.pdf>. — Проверено: 14.06.2018.

Макаренко В.П. 2015а. Государственные интересы в контексте бюрократического господства. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 3. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.3/01.pdf>. — Проверено: 14.06.2018.

Макаренко В.П. 2015b. Государственные интересы в контексте бюрократического господства: концепт Мишеля Фуко. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.4/01.pdf>. — Проверено: 14.06.2018.

Сенеляр М. 2011. Контекст курса. — Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году* / М. Фуко; Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сулова, А.В. Шестакова. — СПб.: Наука. — С. 475–511.

Фуко М. 2011. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году* / М. Фуко; Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сусллова, А.В. Шестакова. — СПб.: Наука.

Эвальд Ф., Фонтана А. 2011. Вместо предисловия. — Фуко М. 2011. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году* / М. Фуко; Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сусллова, А.В. Шестакова. — СПб.: Наука. — С. 5–12.